

Позже у него началась депрессия, и Ци Муцин съехал, однако по-прежнему оплачивал сиделку и все его повседневные расходы. Все, кто знал их, говорили, что Ци Муцин — человек благородный и верный долгу. Поэтому Сун Цзыюй тоже смирился: в конце концов, только этот человек оставался рядом с ним столько лет, и, возможно, иногда, навещая его, они всё так же могли посидеть вместе, как друзья. В конце концов, в таком состоянии он всё равно ничего не мог дать Ци Муцину.

Сун Цзыюй думал, что так и будет влачить своё увечное существование, прожигая жизнь в тумане, пока однажды, во время визита, Сяо Фан с заносчивым видом не сообщил ему правду: оказывается, Ци Муцин взял деньги, а затем уговорил Сун Цзыпо пойти на мировое соглашение. Мало того, он присвоил себе часть компенсации за медицинские расходы, выплаченной Сяо Фаном, и настоял на ампутации, чтобы сэкономить.

Сун Цзыюй потёр виски, отгоняя эти мысли.

— Его случайно не Сяо Фан зовут? — однако реакция Ци Муцина оказалась куда более бурной, чем предполагал Сун Цзыюй. Его голос прозвучал с едва сдерживаемым гневом, прервав раздумья Сун Цзыюя.

— Выходит, вы знакомы? — Заметив, что Ци Муцин мгновенно сообразил, о ком речь, хотя он ещё даже не назвал имени, Сун Цзыюй прищурился и опасным взглядом окинул собеседника. Похоже, они были знакомы гораздо дольше, чем он думал. Неужели в то время Ци Муцин уже снюхался с той компашкой?

Опять за своё. Ци Муцин подсел ближе и обнял его за плечи:

— Послушай меня, я познакомился с ними случайно. Поверь, я обязательно добьюсь для тебя справедливости.

Заклѳчѳнный в мѳртвую хватку его объѳятий, Сун Цзыюй не видел лица Ци Муцина. Зная, что его цель достигнута, он не стал сопротивляться и подыграл Ци Муцину:

— Что ж, буду ждать, пока ты добьѳшься для меня справедливости.

Интересно, смог бы ты сохранить это праведное выражение лица, если бы узнал, что все те деньги, ради которых ты так старался и которые, как тебе казалось, должны были достаться тебе, на самом деле послужат лишь платой за чужие труды?

Видя, что он успокоился, Ци Муцин нежно погладил его по волосам — точно так же, как сам Сун Цзыюй утешал его в былые времена. Только на душе у него стало ещё тяжелее: сидевший перед ним Сун Цзыюй больше не казался прежним великодушным и терпимым человеком, сейчас от него веяло какой-то мрачностью.

Ци Муцин знал, что тот болен, просто эта болезнь подступила слишком внезапно, застав всех врасплох.

Внутри Сун Цзыюя жил безумец. Возможно, воспоминания о прежних временах были ещё относительно теплыми, и даже он сам не замечал, что в этой новой жизни его безумие стало намного слабее. А в глазах Ци Муцина Сун Цзыюй был лишь душевнобольным человеком, потерявшим контроль над собой. Он всё ещё пылал страстью, поэтому те редкие вспышки эмоций, что прорывались у партнера, вызывали у него лишь жалость и трепет. Никто не знал, чем всё это в итоге закончится: быть смягчит сердце Сун Цзыюя, либо Сун Цзыюй доведѳт Ци Муцина до безумия.

Сяо Фан никак не ожидал, что вновь увидит Сун Цзыюя в столь плачевном состоянии. Хотя эта встреча стала для него неожиданностью, никакого влияния на его жизнь она не оказала — возможно, возникнут небольшие хлопоты, но с ними он вполне сможет справиться.

Сменив угол зрения, он даже мог позволить себе пожалеть бывшего соперника в любви, глядя на его жалкий вид.

Ци Муцин сидел прямо рядом с Сун Цзыюем. Он заметил оценивающий взгляд Сяо Фана, скользнувший по их хижине, а затем по лицу и ногам Сун Цзыюя, в глазах же Сяо Фана таилось скрытое высокомерие.

Резко вскочив на ноги, Ци Муцин со всего размаху врезал Сяо Фану кулаком в лицо:

— Подонок!

От толчка зашатавшегося Сяо Фана стоявшая на позadi стоящей этажерке фарфоровая чаша с грохотом рухнула на пол. Сяо Фан привык к беззаботной жизни, но с самого детства его ещё никто и никогда не бил. Тем более — перед лицом Сун Цзыюя, и кто? Какой-то деревенщина Ци Муцин! Не раздумывая ни секунды, он с яростью бросился в ответ.

— Ах ты ублюдок! Я из добрых побуждений пришёл, а ты распускаешь руки!

Сяо Фан громко и яростно ругался, но лишь потому, что Ци Муцин буквально вжал его в пол и лупил со страшной силой. Его редкие, отчаянные попытки сопротивляться для Ци Муцина были не больше щековки — деревенские парни отличались на редкость крепким здоровьем.

Сун Цзыюй сидел в стороне. Внезапная вспышка агрессии со стороны Ци Муцина стала для него некоторой неожиданностью — в конце концов, в его глазах Ци Муцин был тихушником с душком, способным лишь крысятничать исподтишка.

Глядя на то, как ожесточенно лупят друг друга те самые двое, что в прошлой жизни повязались круговой порукой, он погладил себя по подбородку. Видимо, он действительно напрасно подозревал Ци Муцина: судя по всему, эти двое ещё не снюхались.

Сейчас Ци Муцин был для него тёмной лошадкой, но Сяо Фан никогда не отличался выдержкой — станет ли он терпеть побои ради какого-то спектакля?

— Сун Цзыюй, ты вообще чего добиваешься?! Прикажи своей бешеной собаке немедленно остановиться! — завопил Сяо Фан, прикрывая руками лицо от летящих кулаков и случайно заметив, что Сун Цзыюй, опершись на локти, с праздным любопытством наблюдает за представлением.— Выбирай выражения, — Ци Муцин никогда ещё не видел столь безмозглого человека. Тот был глупее его самого: даже Ци Муцин понимал, что на чужой территории нельзя вести себя заносчиво, а этот мало того что дерзил, так ещё и посмел орать на Сун Цзыюя.

Сегодня он сделал исключение и врезал Сяо Фану по лицу еще пару раз. Сам Ци Муцин драться умел: во время драки нечего трепаться, надо просто со всей дури лупить туда, где не видно синяков. Напрягаясь, лучше лишний раз не орать — так дыхание собьется, и удар сразу потеряет всю мощь.

Если в самом начале Сяо Фан еще кое-как сопротивлялся, то теперь Ци Муцин полностью прижал его к полу и избивал.

— Да угомони ты своего хахаля! Сун Цзыюй, я тебе этого не прощу! — Сяо Фан, извиваясь, пытался грозить Сун Цзыюю, одновременно прикрывая голову руками.

Сун Цзыюй не обращал на него внимания и просто наблюдал. В памяти еще свеж был спесивый вид Сяо Фана, и теперь это избиение бешеной собаки доставляло поистине особое удовольствие, хотя со стороны всё это, пожалуй, походило на грызню двух псов.

— Я виноват, я извиняюсь, — Сяо Фан почти вжался в угол. О том, что он пошел сегодня на встречу с этими двумя, он никому не сказал. Убедившись, что они оба совершенно глухи к человеческой речи, а Ци Муцин к тому же бьет жестоко, он окончательно сломался.

— Хватит уже, — благосклонно остановил Ци Муцина Сун Цзыюй. Хотя эта бешеная собака и подняла немалый шум, оживив комнату, звать соседей в его планы не входило — вопли у Сяо Фана были слишком режущими слух.

Ци Муцин и сам уже выдыхался, но, видя редкое удовольствие на лице Сун Цзыюя, хотел продлить его радость. К тому же теперь, когда бунтаря привели к повиновению, вести дела станет куда проще.

Услышав команду «стоп», он разжал пальцы, вцепившиеся в воротник Сяо Фана, уперся руками в колени и поднялся. В груди еще гулко шумело от дыхания — все-таки пришлось попотеть физически.

Оглядев и без того тесную комнату, превращенную совместными усилиями в полный бедлам, Ци Муцин свирепо зыркнул на Сяо Фана, а затем перевел взгляд на глиняный чайник и вазу, которые в суматохе смахнули на пол, и чуть не схватился за сердце от жалости.

Проследив за взглядом Ци Муцина и заметив его убитое выражение лица, Сун Цзыюй наконец искренне рассмеялся. Подумать только, до чего он докатился: в этом неблагодарном мерзавце умудрился разглядеть искренность! Неудивительно, что в прошлой жизни он был таким остолопом.

— Иди сюда, присядь, — он кивнул Ци Муцину на стул и дружелюбно протянул влажное полотенце, лежавшее под рукой. Ци Муцин в тот же миг забыл о сожалении по поводу потраченных вещей, в пару шагов преодолел расстояние до дивана, взял полотенце у Сун Цзыюя, а его глаза светились от радости:

— Я не жарко, всё в порядке.

— Дурак, грязный, — Сун Цзыюю было лень с ним разговаривать, а заметив глупую улыбку на его лице, он даже слегка раздраженно перевел взгляд на Сяо Фана, который с гримасой боли поднимался с пола.

Изначально он еще сомневался, стоит ли вести себя по-старому — а вдруг Ци Муцин испугается и сбежит, и тогда придется применять какие-то методы? Но этот парень оказался на редкость толстокожим: как бы холодно и равнодушно он к нему ни относился, тот все равно норовил прильнуть поближе. По крайней мере, в сравнении с воспоминаниями Ци Муцин теперь старался угодить ему гораздо сильнее: возвращался домой раньше, кормил вкуснее, а времени на разговоры уходило больше. Сун Цзыюй ненавидел его, но ему оставалось лишь слушать его бесконечную болтовню, и постепенно он смирился.

Ци Муцин же вовсе не возражал против того, что Сун Цзыюй говорит одно, а думает другое. Тот вдруг стал резким и холодным — словно два совершенно разных человека по сравнению с прежним. Первые несколько дней ему было непривычно, но со временем он привык.

Заметив вдруг проявленное к нему внимание, он решил, что его бесконечные и терпеливые попытки успокоить этого человека наконец принесли плоды. Пусть тот вечно обзывал его болтуном, но все же терпеливо слушал, когда он говорил. Он взял привычное для Сун Цзыюя полотенце, вытер пот с лица, а затем стер грязь с рук.

Сяо Фан едва не плевался кровью от злости на эту парочку гомосексуалистов, но, встретившись взглядом с насмешливыми глазами Сун Цзыюя, не смел даже сдвинуться с места. Он ни капли не сомневался, что стоит ему проявить хоть малейшее неповиновение, как этот человек прикажет своей бешеной собаке забить его до смерти.

— Зачем ты вообще меня искал? — Ци Муцин отправился к нему в дом к дяде, изначально утверждая, что у него есть дело. Сам он вовсе не горел желанием общаться, и согласился поехать только после того, как тот упомянул имя Сун Цзыюя.

— Разве ты сам не должен обо всем догадываться? — Сун Цзыюю было противно смотреть на то, как тот притворяется. Если подумать, Ци Муцин действовал поистине оперативно: прошло всего несколько дней, а он уже притащил этого человека прямо к нему.

— Послушай, Сун Цзыюй, характер у тебя в последнее время становится все более странным. Или, может, та мягкость, которую видели в тебе одноклассники раньше, была сплошной маской? — Сяо Фан в глубине души, должно быть, понимал, что Сун Цзыюй, скорее всего, узнал, кто именно сбил его на машине, но ему чертовски не хотелось потакать Сун Цзыюю и говорить то, чего тот ждет. — Ты еще смеешь упоминать одноклассников? Я лишь хочу спросить: раз уж вы одноклассники, почему ты, сбив человека, сбежал? Неужели ты ни на секунду не задумался о том, что бы ты делал, если бы с учителем Суном что-то случилось? — Сун Цзыюй еще ничего не успел ответить, а Ци Муцин, напротив, завелся куда сильнее.

— Ну надо же, как ловко ты умеешь клеветать! Что такое? Обедчал настолько, что готов вцепиться в каждого встречного? Я навидался таких, как ты, вдоволь. И моей младшей сестрице тоже стоит взглянуть, что ты за человек. — Сяо Фан вовсе не желал разговаривать с этим нищим оборванцем, тем более что от каждого слова у него ныла разбитая щека. Он смотрел на Ци Муцин с нескрываемым презрением.

— Конечно, я все знаю. В те дни на Цмин ходил ты — приехал на той белой машине. Сбил учителя Суна и был таков, бросив его там одного. — Ци Муцин отлично все расслышал в тот день, когда пришел рисовать для бабушки Сяо Фана. Даже если в чем-то оставались сомнения, что могло сравниться с личным опознанием самого Сун Цзыюя?

— Ха-ха, ну и что? И что с того? Я оставил достаточно денег, на медицинские расходы этого точно хватит. Твой учитель Сун ведь не собирается вымогать у меня больше? Если так, то он и правда пал ниже некуда. — Услышав, как четко и обоснованно тот говорит, Сяо Фан понял: они действительно обо всем знают. Все-таки он проявил беспечность, пожалуй, ему не стоило засиживаться так долго в этой глуши.

— Ты совсем не изменился — все такой же наглый и самодовольный. — Сун Цзыюй посмотрел на Сяо Фана и легко покачал головой, а уголки его губ тронула насмешливая улыбка.

— Ты до сих пор считаешь себя правым? Натворить дел и даже не удосужиться принести извинения? — Лицо Ци Муцина похолодело, он в упор уставился на Сяо Фана.

— Разве я не платил? Или выплаченной суммы мало? Вы что, и впрямь хотите повесить на меня всех собак? — Сяо Фан видел, что Сун Цзыюй уже совсем не тот, что прежде. Прежний Сун Цзыюй был фальшиво-высокомерным, казалось, будто добрее него человека на свете не сыскать, и уж он-то точно ни за что не стал бы разыскивать кого-то спустя столько времени после выписки из больницы. А уж требовать денег — тем более собственных денег — и вовсе было за гранью фантастического.

— Что это значит? Разве извиняться не полагается? Его нога серьезно повреждена, неужели нам не нужно лечение? — Раньше, при первой встрече, Ци Муцин казалось, что Сяо Фан просто обладает дерзким характером, но теперь он видел: этот парень — наглец и мерзавец.

Сун Цзыюй сегодня совершенно иначе взглянул на Ци Муцина. Раньше он знал лишь, что тот себе на уме, но сегодня понял: человек, обычно не склонный к разговорам, умеет жалить словами не хуже других, да и проявил себя истинным мужчиной. Жаль только, что до Сяо Фана ему все же было далеко.

— Вы оба так орёте, что у меня голова раскалывается. Совершенно очевидно, что сам ты, Сяо Фан, уладить это дело не в состоянии. Либо встречаемся в суде, либо зови своих родных. Ну, или бойфренда, само собой, — потирая виски, спокойно спросил Сун Цзыюй, глядя на Сяо Фана.

Жизнь показала, что Сун Цзыюй все-таки неплохо разбирался в людях. Сяо Фан, только что задиристо огрызавшийся с Ци Муцином даже после полученных тумачков, вмиг умолк и с мстительной усмешкой уставился на Сун Цзыюя:

— Чего ты в конце концов добиваешься?

— Ты же такой умный, неужели не догадываешься, чего я хочу? — уголки губ Сун Цзыюя чуть дрогнули в улыбке, когда он заметил внезапно посерьезневшее выражение лица Сяо Фана.

— Говорю тебе, оставь надежды! Ци Чжао давно с тобой не связан. — В памяти Сяо Фана Сун Цзыюй всегда оставался бесстрастным человеком, не имеющим никаких земных желаний, который, казалось, ладил со всеми в классе. В свое время их вражда с Сун Цзыюем началась именно из-за Ци Чжао.

С большим трудом одержав верх над Сун Цзыюем, он сошелся с Ци Чжао и теперь никому не позволил бы разрушить их отношения. В тот вечер стояла непроглядная тьма, улица была узкой, и он задел человека по чистой случайности. Сначала он хотел отвезти пострадавшего в больницу, но, поняв, что под колеса попал именно Сун Цзыюй, тут же отбросил эту мысль.

Тогда казалось, что травмы Сун Цзыюя не смертельны, но если бы тот узнал, кто его сбил, за этим непременно последовала бы череда новых проблем. Не вздумай Ци Чжао узнать о слухах, его характер не позволил бы ему остаться в стороне; к тому же все эти годы Ци Чжао не мог забыть внезапного исчезновения Сун Цзыюя. Раз уж Сун Цзыюй добровольно покинул их жизнь, им больше незачем было запутывать друг друга.

— Человеку, который так упорно стремится пробиться наверх, мне просто нечего предложить. Вместо того чтобы так бояться меня, лучше бы приглядывал за богатыми сынками или избалованными девицами из своего окружения. — Сун Цзыюй вздохнул с усмешкой, глядя на Сяо Фана: водиться с подобной публикой было поистине тошно.

— Нам еще нужно везти Сун Цзыюя лечить ногу в больницу при провинциальном центре. Пять тысяч юаней — в качестве компенсации за дальнейшее лечение. — Ци Муцин видел, как эти двое сцепились не на жизнь, а на смерть, но те вдруг принялись ностальгировать, не оставляя ему ни единой возможности вставить слово. Упоминание некоего Ци Чжао неприятно кольнуло его в сердце. Поджав губы, он посмотрел на Сун Цзыюя, но тот даже не удостоил его взглядом.

— Сун Цзыюй, ты тоже так думаешь? — услышав слова Ци Муцина, Сяо Фан с издевкой посмотрел на Сун Цзыюя.

— Не ожидал, что некогда звезда нашей школы, сам Сун Цзыюй, в конце концов падет до такого мелкотемья. — В голосе Сяо Фана прозвучало даже некое злорадство.

В школьные годы Сун Цзыюй слыл образцовым учеником в глазах учителей: отличные оценки, приятная внешность, хорошие манеры, к тому же умел играть в баскетбол и дудеть в губную гармошку. На переменках девочки из других классов то и дело тайком бежали посмотреть на него. Он казался чистым источником посреди грязи, и вся школа знала, что в их классе учится невероятно одаренный Сун Цзыюй.

А теперь и он пришел к нему из-за денег.

— Хватит нести чушь, даешь деньги или нет? — Ци Муцин минуту назад считал Сяо Фана просто наглым, но теперь у него появилось ощущение, что тот психически нездоров. Тот сам сбил Сун Цзыюя, с них требуют компенсацию за лечение, но, судя по его тону, они должны были благородно отказаться от денег, а если требуют — значит, пали нравственно.

Сначала он рассчитывал хотя бы на три тысячи: по его подсчетам, с этими деньгами они могли без страха отправиться в провинциальный центр к хорошим врачам. Пять тысяч он затребовал с запасом — на случай, если тот станет упрямиться, оставив простор для торга. И надо же было этому парню выдать такую дикую логику!

Неужели тот всерьез думал, будто после подобных речей они оставят все как есть и откажутся от ответственности, забросив лечение?

— Всего-то пять тысяч... Жаль, Ци Чжао не видит твоего истинного лица. — Сяо Фан все так же задира подбородок, глядя на сидящих напротив двоих.

Пять тысяч юаней — сумма, конечно, немаленькая, и наскрести ее прямо сейчас он не мог, но ради того, чтобы утереть нос Сун Цзыюю, он не позволил бы тому смотреть на себя свысока.

— Когда мы сможем получить деньги? — Ци Муцин бросил взгляд на Сун Цзыюя. На лице того по-прежнему не отражалось никаких эмоций, лишь та же прохладная, безразличная улыбка. Впрочем, Ци Муцину тоже казалось, что мелочиться из-за денег не совсем пристало учителю Суну — тот всегда держался отстраненно и утонченно.

Именно поэтому, узнав, что Сун Цзыюя сбил именно Сяо Фан, а от Сяо Ин услышав, что тот все еще околачивается в уездном городке, он решил сам пойти и вытрясти с него деньги. Деревенские привыкли добиваться своего на деле, а для учителя Суна важнее всего было исцелить ногу. Денег у них не было, но теперь виновник нашелся.

Позже он подумал, что это все же личное дело учителя Суна и тот должен быть в курсе. Осторожно обсудив с ним возможные варианты и упомянув о намерении потребовать с Сяо Фана компенсацию за лечение, он, пожалуй, выдал себя с поличным и даже заслужил нагоняй от учителя Суна.

Именно поэтому сегодня он так жестко обошелся с Сяо Фаном — и пар выпустил, и перед учителем Суном мог требовать свое с чистой совестью. Он понял, что все еще недостаточно хорошо знает учителя Суна: тот, оказывается, был человеком столь же практичным, как и он сам.

— Наличных у меня сейчас столько нет, отдам первого числа следующего месяца. Как только получите деньги, на этом всё, инцидент исчерпан. — Сумма немаленькая, но не сказать, чтобы у него совсем не было выхода. В худшем случае придется продать квартиру в провинции, доставшуюся от деда. Сяо Фан крепко сжал зубы: сердце обливалось кровью, но внешне он не показал и виду.

Ци Муцин прикинул в уме: сегодня четырнадцатое, первое число следующего месяца — то есть ровно две недели. Он кивнул, достал бумагу с ручкой и протянул Сяо Фану:

— Будь добр, напиши расписку, чтобы было подтверждение.

С презрительным взглядом покосившись на Ци Муцина, Сяо Фан подумал, что у его сестрицы отвратительный вкус, раз она запала на такого прижимистого типа. Тем не менее он взял ручку, вывел несколько строк и, бросив ее на стол, процедил:

— Вкусы у тебя и впрямь ниже среднего.

Проводив взглядом захлопнувшуюся с шумом дверь и переведя глаза на невозмутимого Сун Цзыюя, который по-прежнему держал в руках написанную Сяо Фаном расписку, Ци Муцин все еще не мог отделаться от ощущения нереальности происходящего. Получить деньги оказалось до смешного просто, хотя он уже готовился к долгой и грязной грызне.

— Для человека его круга эта сумма не станет смертельным ударом, но прямо сейчас у него сердце кровью обливается. — По выражению лица Ци Муцина Сун Цзыюй сразу понял, о чем тот думает.

Семья Сяо Фана располагала средствами, но сам он был лишь молодым парнем, и чтобы собрать такую сумму, ему придется изрядно покрутиться. Сам Ци Муцин ни за что бы не выбил из него столько, однако в присутствии Сун Цзыюя, подстегиваемый жадой самоутверждения перед ним, Сяо Фан просто не мог отказаться. Так что это можно было считать получением процентов вперед.

— И правда богатенький буратино. — Поймав на себе этот взгляд Сун Цзыюя, Ци Муцин смущенно пробормотал первое, что пришло в голову.

— Думают, раз есть деньги, им все дозволено. Такие люди рано или поздно получают по заслугам. — Произнеся эти слова, Сун Цзыюй приподнялся, шагнул к кровати и неторопливо стал разворачивать одеяло.

Ци Муцин кивнул ему в спину. Ему всё казалось, что учитель Сун вкладывает в эти слова какой-то скрытый смысл. В последнее время такое случалось часто, заставляя Ци Муцина чувствовать себя полным дураком.

И что же все-таки насчет этого Ци Чжао?

<http://bllate.org/book/21591/2225493>